

Исследователь русской православной цивилизации

Невозможно изучать историю России по Карамзину и на каком-то этапе не ощутить, что вслед за ним происходит кристаллизация твоей мировоззренческой позиции...

Метод летописания «Истории государства Российского» непременно вовлечёт читателя в процесс осознания основ персональной системы миропонимания. Может статься, вы разделите вольнодумство его друзей-декабристов, пропитаетесь верой Карамзина в государя-мессию или окончательно убедитесь в первородстве воззрений православной веры.

«Патриотизм не должен ослеплять нас»

Удивительным образом события двухсотлетней давности и споры вокруг историографических опытов создателя «Истории...» проецируются и на общественную мысль современной России. Приоритеты системных ценностей Н.М. Карамзина – любовь и желание благоденствия своему Отечеству, «правила мудрого самодержавия и святой веры» – находят отклик у граждан. На государственном уровне постепенно формируется запрос на применение части воззрений историографа как идеологической основы национальной идеи вкупе с идеей патриотизма. «Но патриотизм не должен ослеплять нас; любовь к отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть...», – предупреждал в 1802 году Карамзин.

Как же «продралось» к нам, в третье тысячелетие, сквозь толщу веков и общественных формаций теория эволюционной государственности Карамзина?

Лёгкость подачи исторического труда и интриги вокруг несостоявшегося назначения того министром народного просвещения обострили «споры о языке» между приверженцами церковно-славянского «слога» и «карамзинистами». А.С. Пушкин в свойственной ему манере заступился за историка и называл в стихотворении «К Жуковскому» эти «дискуссии» следствием «бледной зависти»:

Не грозный приговор
на гибель внемлю я:
Сокрытого в веках священный судия,
Страж верный прошлых лет,
наперник муз любимый
И бледной зависти предмет
неколебимый...

Не только противники Карамзина, считавшие борьбу с его творчеством чуть ли не делом всей своей жизни, не восприняли замыслов историографа, но и многие авторитетные исследователи второй половины XIX в. видели в них лишь стремление к усилению абсолютизма. К таким можно отнести А.Н. Пышина, литературоведа, исследователя русского масонства, автора книги «Общественное движение в России при Александре I».

Чем руководствовались противники Карамзина? Чего в отрицательных отзывах на его творчество было больше: зависти, боязни усиливающегося влияния в обществе, окружении государя или вольных трактовок, незаслуженных оценок? Всего понемногу, но более – искреннего неприятия его идей, непонимания способности их к временному транспонированию, цельности его триадной концепции сохранения государственности.

Известный русский литературовед, исследователь традиций русского дворян-

ства Ю.М. Лотман недоумевает: «Обычно академически объективный Пыпин излагает воззрения Карамзина с такой очевидной тенденциозностью, что делается просто непонятно, каким образом этот лукавый реакционер, прикрывавший сентиментальными фразами душу крепостника, презирающего народ, сумел ввести в заблуждение целое поколение литераторов, видевших в нём своего рода моральный эталон».

В таких непростых условиях создавал Карамзин свою «Историю...». Они явно не благоволили каким-либо нововведениям, а наоборот, способствовали насаждению крайне консервативных взглядов и учений. По сути, Карамзин совершил бескровную лингвистическую революцию, так как за призывы «слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык», «писать, как говорят», «сочинять выражения» тогда можно было полатиться не только должностью официального историографа. В условиях усиливавшегося абсолютизма и насаждения консерватизма этого не поняли и либеральные, демократически настроенные круги. И лишь немногие заглянули дальше своего времени. К ним относится «неистовый Виссарион», В.Г. Белинский, пророчески назвавший Карамзина «преобразователем и обновителем русского языка».

О сути идейных разногласий

В чём же обвиняли Н.М. Карамзина, и почему его творчество стало тем раздражителем, которое растревожило громкими спорами тишину литературно-культурной гавани в 1810-х годах?

По настоянию великой княгини Екатерины Павловны историк пишет для Александра I «Записку о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях», направленную против плана либеральных государственных преобразований, составленного М.М. Сперанским по указанию императора. Она была представлена великой княгиней императору в марте 1811 года, в резиденции в Твери после личной беседы историка и государя. Очевидный факт: Карамзин попадает под влияние той части дальновидных царедворцев, которые были недовольны деятельностью государственного секретаря, готовившего второй этап министерской реформы. В целом же «Записка...» должна была поставить под сомнение целесообразность либеральных реформ Александра I.

Неудивительно, что император не высказал своего отношения к данному труду. А это обстоятельство развязало руки критикам. На публикацию «Записки...» был наложен цензурный запрет. Первое издание этой работы Карамзина, отвечающее современным научным требованиям, состоялось только в 1988 году.

«Прегрешения» Карамзина

А.С. Шишков невзлюбил Карамзина за приверженность к французской лёгкости в обращении с родным языком, а французский историк Альфред Рамбо, сторон-

ник сближения Франции с Россией, наоборот считал «Записку...» антифранцузским манифестом.

Карамзина обвиняли в «галлицизме выражений». Белинский считал это, скорее, достоинством: «Должно поставить в великую заслугу Карамзину его галломанство – через него ожила наша литература». Тот же Шишков подверг обструкции «изысканность и манерность языка карамзинистов». И в то же время он с удовольствием отмечает как широко тот использовал славянизмы: «Карамзин в истории своей не образовал язык, но возвратился к нему и хорошо сделал».

Карамзина укоряют за веру в providence, традиционализм, приверженность к антилиберальному лагерю, консерватизм, представительство официального монархизма, защиту крепостничества и т.д. Набор более чем внушительный. Но тем более поражают масштабы деятельности историографа, которые, не смотря ни на что, пробились к нам сквозь толщу обвинений.

Велико желание историографов, исследователей общественной мысли расставить по ранжиру на воображаемом ими пьедестале авторов, взваливших на себя труд написания российской истории. Творческий зуд до сих пор норовит уместить их «клеточка к клеточке» – своеобразную периодическую литературную систему имени Д.И. Менделеева. Только Н.М. Карамзин не уместается на этой заранее заготовленной матрице. Масштаб дарования не тот.

«Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения. Они забывали, что Карамзин печатал "Историю" свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности», – так А.С. Пушкин проясняет особенности письма историографа и причины выбранного им подхода.

В данной оценке особо стоит подчеркнуть: «государь», «налагал», «обязанность всевозможной скромности и умеренности». Внутренняя культура, понимание хода развития страны воспитали в Карамзине именно такого добровольного самоцензора – преданного своему народу, почитавшего историю и его традиции, но верившего в главных творцов – божественное проведение и власть монарха.

«Могло ли быть иначе?», – спросит читатель. И здесь великий Пушкин подсказал

нам правильный ответ. А сам Карамзин с распахнутой душой и редким откровением в предисловии к «Истории...» образно и страстно, в иносказательной манере разъясняет читателю именно эти ограничения, не называя их прямо ввиду обозначенных обстоятельств. Тем не менее, поставленный в условные границы и сдерживаемый рамками самоограничения, автор сумел заставить биться мысль, сердца не только пытливых своих современников, но и далёких потомков. Редчайшее научное произведение явилось огорпевшему миру. И осталось с ним на века.

Погрешность исторических интерпретаций

Можно «проверить Карамзина Пушкиным», как это сделал исследователь трудов историографа А.Ф. Смирнов. Он предложил понять Карамзина так, как понимал его поэт: «Последний наш летописец и первый наш историк». Можно использовать возвышенно критический анализ В.Г. Белинского, заявившего: «История государства российского» – творение великое, которого достоинство и важность никогда не уничтожатся: вытесненная исторической и философской критикой из рода творений, удовлетворяющих потребностям современного общества, «История...» Карамзина навсегда останется великим памятником в истории русской литературы вообще и в истории литературы русской истории».

Вариантов много, Карамзин один. Он взывал ко «снисходительности добрых сограждан». Предчувствовал уязвимость своего главного труда. Назовём это допустимой погрешностью.

Генетический код Карамзина

Декабристы отвергли одну из выведенных Карамзиным методологических констант – «мудрое самодержавие – это палладиум России». Декабрьский переворот не удался. Монархи продолжали считать себя вестниками бога на земле. Для того времени власть не терпела какой-либо интерпретации духовного происхождения власти, что подтверждало до поры правильность выбранной Карамзиным триады: «историческая действительность – исторический источник – историческое знание».

Декабристы не поняли значение для последующего развития страны «Истории...» Карамзина. Главное их заблуждение – в парадоксальном: не ведая того, заговорщики отрицали не сам труд, а предложенную автором методику исторического исследования, которую применил учёный.

Декабристам нужен был политический манифест или низлагающий монархию трактат, на который Карамзин не был способен.

Поразительно, но всё творчество Карамзина на исторической ниве протекает в фарватере конвергентных процессов: посредством изучения трагических периодов истории Руси способствует сближению её народов, пониманию особенностей развития государственности, эволюции её институтов. Используя такой подход к рассмотрению прошлого, историк ещё более укрепил позиции русского консерватизма первой четверти XIX века.

Алексей ЧЕРТКОВ,
член Союза писателей России